

Тирогеро Т. С.

1985/4

СТАРИННЫЙ угловатый особняк на Пущенной улице. Бывшее здание Московского хореографического училища. Здесь когда-то давно Тамара Степановна училась сама, стоя у балетного станка перед огромными, во всю стену, коварными зеркалами. Здесь с 1940 года и до сегодняшнего дня она учит искусству народного танца молодых хореографов — студентов балетмейстерского факультета ГИТИСа.

— Сережка! Наврал все и сразу же вышел из образа!.. Хорошо, Степанова!.. Стоп-стоп-стоп. Вы какие-то — я не знаю. Всего неделю меня не было на занятиях, и вы разболтались. А это — строгий танец: темперамент весь внутри.

Голос Тамары Степановны, низкий, чуть хрипловатый, с легкой «цыганщиной», слышен еще с лестницы, из-за трех плотно закрытых дверей. Голос этот принадлежит человеку необычайной душевной теплоты и мягкости. Балерине, посвятившей себя народному танцу.

— Народный танец сегодня, как, наверное, никогда прежде, популярен. Им восхищаются. К нему обращаются театр, эстрада, цирк, спорт, кинематограф... Так ли обстоят дела в балете, Тамара Степановна?

— Парадокс, но — не так. Характерный танец из балетных спектаклей стал исчезать. Жаль. Мы сами себя обделяем. Он ведь вносит в балетный спектакль разнообразие, яркость, сочность, жизнерадостность. Я это не сразу поняла.

Из хореографического училища я выпускалась «классической». Пуанты, адажио. Сольные партии и «четверки», крутила пируэты. И вдруг меня ставят танцевать в «Лебедином озере» испанский!

Успех был настолько ошеломляющим, что я влюбилась в народный танец. Теперь, уже десятки лет спустя, пытаюсь и будущим балетмейстерам привить к нему такую же искреннюю, горячую любовь. Его нельзя не любить. Во-первых, богатейший материал танцевальной культуры. Во-вторых, широта кругозора, совершенно необходимая современному художнику. «Через меня» с сорокового года прошли такие апологеты классики, как Стручкова, Плисецкая, Лапури, Жданов, Васильев, Максимова, Лиева...

— И они, наверное, не могут пожаловаться на недостаток полученных от вас профессиональных навыков?

— Не знаю, лучше спросить у них. Говорят, я их здорово — это точно. И старалась передать им не только профессию, свои знания. Для человека, посвятившего себя хореографии, этого слишком мало. Даже если он виртуозный мастер. Еще нужны четкая гражданская позиция, принципиальность, сила воли, мужество.

...9 августа 1941 года Тамара Степановна Ткаченко в составе первой фронтовой бригады артистов выехала на Западный фронт. Эта бригада за 17 дней дала 51 концерт...

— Что греха таить, я к тому времени была очень популярной артисткой. Сам Калачов частенько приходил в Большой на

меня посмотреть. Немирович-Данченко (похваляясь) говорил, что мой танец — «это высочайший уровень». Часто мне приходилось выступать с концертами и в воинских гарнизонах. Принимали очень тепло.

— Тамара Степановна, а была у вас уверенность в том, что ваши танцы, песни, стихи на фронте в тот момент необходимы?

— Не было, конечно. Не мне одной — и Руслановой, и Гаркави, и Хенкину, и Лентовскому, да всем нам казалось, что бойцам не до веселья, не до искусства. Смерть рядом ходит.

Сегодня у нас в гостях народная артистка РСФСР, профессор кафедры хореографии ГИТИСа им. А. В. Луначарского Тамара Степановна ТКАЧЕНКО

Первый концерт был в Акатове. Обстановка, прямо скажем, не самая располагающая. Эстрада — два грузовика с откинутыми бортами. Безостановочный гул артиллерийской канонады. И неловкость за яркий костюм, так выделявшийся на фоне зашитых гимнастеров.

А потом вдруг словно озарило: «Я же — на передовой!». Откуда что взялось: и уверенность, и бодрость, и силы! А главное — совершенно новый, непередаваемый творческий подъем.

Когда концерт закончился, ко мне подошел солдат, пожал руку и сказал: «Спасибо тебе, товарищ Ткаченко». Я бы его лицо и теперь узнала: простое, обыкновенное. Русское. Но встретиться нам больше не довелось. А имя его я от волнения забыла спросить. Он был первым, кто сказал, что наше искусство очень нужно фронту.

— А где вы встретили 9 мая?

— В Москве. Хорошо помню этот день. Вернее, ночь. Два часа десять минут. Город не спал. И по радио: «Внимание! Говорит Москва...». Слезы, смех, безмерная радость... Вечером я танцевала на сцене Большого театра.

Закончилась война. Жизнь пошла своим чередом: театр, балетная школа. С 1946 года еще и балетмейстерский факультет ГИТИСа.

— В жизни балерины неизбежно наступает такой момент, когда приходится прощаться со сценой.

— Для меня это была катастрофа! Нет, я не осталась без любимой работы. Училище плюс институт. Но театр был первым

моим домом, домом на всю жизнь.

Долго не могла привыкнуть к тому, что я — «пенсиянка». Спасение нашла в педагогической работе. Потом стала собирать материалы по народному — народносценическому — танцу. Написала первые книги, брошюры, сборники. Постепенно их число перевалило за десяток...

— И пришла всемирная известность — как специалиста по народно-сценическому танцу, как основателя науки о характерном танце и первого в мире профессора в этой области... Училище вы оставили из-за дефицита времени?

Воскресные ВСТРЕЧИ

ПРОФЕССОР ТАНЦА

— Со временем у меня полное взаимопонимание. Чем больше работаешь, тем больше успеваешь, тем больше остается свободного времени. Для меня это аксиома. Ушла из-за сердца — я ведь не молоденькая. А в училище — нагрузки.

— Эмоциональные?

— Эмоционально — отрицательные. Я, наверное, слишком максималистка. У меня масса претензий к современной молодежи.

— Мы вам не нравимся?

— А как может нравиться проскальзывающая порой неоправданная дерзость по отношению к старшим, лень, бесцеремонность в отношениях с девушками?! В этом, конечно, и наша вина: что мы сделали для того, чтобы научить молодых любить прекрасное, привить культуру и доброту?

— Ну, у балета-то как раз широчайшие возможности, особенно с помощью телевидения...

— «Старое танго»? «Галатhea»? «Анюта»? Согласна. Поистине великолепные образцы современного телебалета. Но ведь это — результат совместной работы молодых и опытных хореографов. И главенство принадлежит старшим.

— А прошлогодний Всесоюзный конкурс молодых балетмейстеров? Сколько новых имен! А эксперимент профессора Шульгиной, из которого родилась советская школа современного балетного танца? И ведь ее основными помощниками были не кто-нибудь — молодые.

— Я же говорила, что максималистка.

Конечно, много по-настоящему хорошей молодежи.

А максимализм, он не всегда на пользу. Меня он, например, увел со стези драматической актрисы. После окончания хореографического училища мне предложили сыграть главную роль в кино. Но поставили условие: перекрасить волосы в белый цвет. Стать блондинкой? Никогда! И отказалась.

Но если честно, не жалею. Я однолюб. Народная хореография поглощает все мои интересы.

— В том числе и домашние заботы?

— Меня можно представить сидящей с кастрюльками? Абсурд какой-то! Не люблю стоять у плиты, не люблю заниматься уборкой. Нет, быт меня никогда не волновал. И, знаете, с возрастом так и не произошло мое «одомашнивание». До сих пор люблю путешествовать. С удовольствием бываю на хороших выставках и концертах. Обожаю работать.

Правда, есть у меня одно, вернее, два пристрастия: люблю красиво одеваться и хорошо себя чувствовать.

— ?

— Нет, врачей стараюсь не беспокоить. Пользуюсь фронтовым опытом. Тогда, в сорок первом, через несколько дней выступлений на передовой я простудилась. Температура — тридцать девять. Бригадир не разрешает выступать. Но мне запретить — это не так-то просто. Оттанцевала и — свалилась. Вечером после концерта зрители принесли глубокую тарелку меда и уложили спать, укрыв семью шинелями. Утром проснулась — простуды как не бывало. Теперь лечусь молоком с медом.

...Тамара Степановна лукаво улыбается. И тут же:

— Пируэты! Раз, два! Раз, два! Молодцы, второй курс! Я довольна.

— Не так уж и плоха современная молодежь, Тамара Степановна?

— А кто говорит, что плоха? С молодежью всегда интересно общаться: ищущая, талантливая, энергичная. Она делает нашу жизнь стремительной, заставляет забыть о возрасте.

— Возраст! Тамара Степановна, не зная вас, можно просто испугаться водоворота жизненной активности или уж по крайней мере удивиться вашей нетерпеливой непосредственности.

— Ну, то, что мне — семьдесят пять, можно проверить, заглянув в любой балетный справочник. А оценки, типа: «На ваших уроках моложе всех — вы!», и радуют и огорчают. Огорчают, потому что молодым должны быть все-таки молодые. А радуют, потому что, поздравляя с юбилеем, никто не торопился подводить итоги моей жизни. Все больше говорили о будущем. Я понимаю, что в этой оценке есть немалая толика комплиментарности, но ведь и правда есть...

— Сережка!.. Вот так! Молодец!

Гостью расспрашивали
Е. ШАДРОВА,
В. ВАХРАМОВ

Московский Помешатель
г. Москва

— 2 ИЮН 1985